

нию, в этом году принять юных талантливых математиков город не сможет, так как международный оргкомитет в условиях пандемии решил проводить мероприятие в цифровом формате. Олимпиада состоится в сентябре. Но наш город все-таки станет мировой математической столицей в 2021 году — принимающей стороной по графику должны были стать Соединенные Штаты Америки, однако в связи с COVID-19 они от этого права отказались. И международный оргкомитет предложил Петербургу воспользоваться возможностью и провести в следующем году олимпиаду еще раз — теперь уже очно. Это будет первый случай в истории, когда страна два раза подряд становится площадкой для международной математической олимпиады. В связи со всеми этими изменениями поменяется, соответственно, и бюджет.

— Случалось ли такое, что в ходе реализации программ нацпроекта рождались какие-то свои идеи?

— Национальная цель проекта «Образование» — войти в десятку ведущих стран мира по качеству общего образования. Один из ключевых инструментов, с помощью которого измеряется достижение этого показателя, — международная программа по оценке качества обучения PISA (Programme for International Student Assessment), которая работает под патронажем Организации экономического сотрудничества и развития. Тесты проводятся по случайной выборке раз в три года и оценивают функциональную грамотность школьников, то есть не просто формальные знания, а умение применять эти знания на практике. Кто и как попадает в выборку — заранее неизвестно. Потому что смысл исследования — оценка не единичных элитарных школ, а именно массового образования. Сегодня у Петербурга неплохие результаты последнего замера — но в него попали только девять школ из 687. А нам хотелось бы провести тестирование PISA по всем нашим школам и понять уровень, с которого мы стартуем. Поэтому планируем заключить с PISA соответствующий договор, провести сплошное тестирование и понять, по каким параметрам нам нужно подтянуться.

— А если существует такая замечательная система, то ЕГЭ и ОГЭ вообще нужны, на ваш взгляд? Или, может быть, надо сделать такие же экзамены, как PISA?

— Самое сложное в любой образовательной системе — объективно оценить результат, потому что основная задача любой оценки — ее универсальность. Единый государственный экзамен решает именно эту задачу. Он нужен в первую очередь для оценки знаний при поступлении в вуз, чтобы обеспечить детям равные возможности. И мы видим, например, что введение ЕГЭ значительно повысило конкурентоспособность ребят из регионов. Можно к этому измерителю придирается — и педагогическое сообщество постоянно придирается. Но благодаря этому ЕГЭ постоянно совершенствуется. За время существования экзамена он, конечно, претерпел кардинальные изменения. С одной стороны, это неидеальная система, с другой — существует ли идеальная?

— Как вы оцениваете успехи петербургской школы в рамках этого измерителя — единого государственного экзамена?

— У Петербурга хорошие результаты — мы в числе лидеров в стране. Но мы не можем почитать на лаврах: сегодня система образования должна становиться все более практикоориентированной. Этого требует быстро меняющийся рынок труда, к которому мы обязаны подготовить детей. Перед началом учебного года в рамках нашего традиционного городского педсовета мы провели опрос, в котором приняли участие более 20 тыс. человек — 80% родителей и 20% педагогов.

Было задано всего два вопроса: нужно ли часть учебного процесса выносить за пределы школы, чтобы подготовить более конкурентоспособного человека. И если нужно — то куда именно выходить из школы. На первый вопрос 70% опрошенных сказали, что выходить из школы надо. А во втором вопросе был предложен целый перечень возможностей: научные лаборатории, музеи, театры, предприятия. На первое место родители — более 50% — поставили учебные мастерские, где ребенок может получить первую профессию. Это очень впечатляющий результат: он показывает, насколько важна для сегодняшних родителей успешность их ребенка именно на рынке труда.

Сегодня мы гордимся — и абсолютно справедливо — рекордным количеством стобальных результатов ЕГЭ. Но если мы посмотрим на их структуру, то 77% отличных результатов — это гуманитарные дисциплины: русский язык, литература, история. И только 23% — химия, биология, информатика, физика. А если мы посмотрим на рынок труда, то увидим совсем другую пропорцию — растущую потребность как раз в инженерных кадрах, в медицинских, в высокотехнологичных. Чтобы помочь детям чувствовать себя комфортно в поисках высокооплачиваемой работы, мы должны показывать им, в каких отраслях их завтра ждут. И нацеливать их на это.

Сейчас в рамках нацпроекта создается Центр опережающей профессиональной подготовки (ЦОПП), задача которого мониторить запросы рынка труда — и «настраивать» под эти запросы систему образования. Например, в IT-отрасли постоянно возникают новые профессии — значит, в системе образования должны быстро формироваться программы подготовки таких специалистов. Петербург — уникальный регион, где сформирован IT-кластер. Вместе с Университетом ИТМО — российским флагманом айтишного образования — мы уже в этом учебном году начинаем работать над проектом «цифровой десант». Это фактически предпрофессиональная подготовка, подход к первой профессии. Задача крайне амбициозная, потому что нужно будет переподготовить как минимум половину учителей информатики. Сделать это можно только в сотрудничестве школ с университетом, а он, в свою очередь, активно взаимодействует с работодателями. Рассчитываем охватить этой программой учеников 10–11-х классов. Пока в дистанционном формате, со следующего года откроем IT-классы.

— А с чем связан такой разрыв между отличниками по гуманитарным и техническим специальностям? Это недостаток хороших педагогических кадров?

— Вопрос совершенно в другом. Это разговор как раз о том, зачем школам выходить за рамки своих стен. Очевидно, что каким бы профессиональным ни был педагог, он просто не может знать, что происходит в той же IT-отрасли, фармацевтике или судостроении. Но он должен знать, куда с детьми пойти, в какую лабораторию, на какое предприятие — чтобы к этим знаниям прикоснуться. Только на первый взгляд кажется, что задача простая — но на федеральном уровне этот вопрос обсуждался несколько лет, прежде чем в закон об образовании были внесены изменения, разрешающие так называемую практическую подготовку. И сейчас наконец-то вопрос решен: теперь педагоги могут проводить занятия не только в школьном классе, но и на предприятии, например.

— Как сейчас обстоят дела с повышением квалификации педагогов? Сколько педагогов сейчас проходит переподготовку или повышение квалификации? Как изменилась система за последние годы?

— С моей точки зрения, «Учитель будущего» — ключевая тема нацпроекта «Образование». Без учителя нет школы, и наша задача — максимально помочь педагогам адаптироваться к по-

Расходы на национальный проект «Образование» в Петербурге в 2020 году, млрд руб.

Всего **2,154**

■ расходы федерального бюджета

■ расходы городского бюджета

0,443

1,711

Источник: администрация Санкт-Петербурга

стоянно меняющимся реалиям. Переподготовку проходят раз в три года все педагоги, это обычная практика. Вопрос в качестве и содержании этой переподготовки. В этом году, например, система образования столкнулась с небывалым вызовом, когда нужно было в кратчайшие сроки перейти на дистанционное обучение. Во время весенних каникул всем учителям пришлось пройти экспресс-подготовку к дистанту в боевых условиях. В том числе благодаря этому 60% педагогов смогли организовать новый формат работы в первую же неделю, а еще 30% справились за две недели.

Как и в случае с ЕГЭ, мы можем ругать дистанционное обучение, критиковать учителей, цифровые платформы. Но я не устаю напоминать: в 160 странах мира у более чем 1 млрд детей и студентов пандемия образовательный процесс просто остановила. И только небольшая часть государств сумела перейти на дистанционное обучение, которое позволило решить самую главную задачу — сохранить на время карантина контакт учителя с ребенком.

— Готовы ли мы время от времени переходить на дистанционное обучение и достаточно ли оно эффективно для всех?

— Все мировые специалисты в области образования высказывают однозначное мнение: дистанционное обучение не может заменить классический очный формат. Особенно если речь идет о малышах. Чем старше становится ребенок, чем больше у него сформировано навыков самостоятельной работы — тем ему проще. И у студентов, наверное, уже существенная часть обучения может происходить в удаленном формате. Если бы у нас весной был хоть малейший шанс, мы бы тоже постарались работать в привычном формате. Но пандемия не оставила нам выбора, а выпускникам, например, надо было готовиться к ЕГЭ. И результаты, которые показали наши ребята, говорят о том, что школа с этой задачей справилась не хуже, чем в прошлые годы.

Сегодня мы проходим новое испытание — привыкаем к учебе с соблюдением огромного количества санитарных требований. Расписание составлено так, чтобы детские коллективы не пересекались, все школы оснащены санитайзерами и бактерицидными лампами, за состоянием здоровья ребят наблюдают медики. Но если в конкретном классе кто-то все-таки заболевает, этот класс может быть отправлен на карантин с переходом на дистанционное обучение. Некоторые родители не хотят рисковать — и сразу просят перевести их на удаленку. В этом случае школы тоже готовы организовать обучение, только это будут уже не онлайн-уроки: у педагогов просто не будет возможности сначала провести занятия с классом очно, а потом еще и с теми, кто остался дома. Но у школ есть сегодня наработанные материалы, которые будут отправляться детям для домашнего обучения. А потом педагог только проверяет выполненное задание и при необходимости консультирует.